

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Б.В. Корнейчук

РЕФОРМЫ И ДОГМЫ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Рецензия на книгу: **Мау В.А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929)**. Изд. третье, перераб. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 512 с. ISBN 978-5-7749-0773-1

Монография посвящена анализу глубинных причин становления плановой системы в СССР и охватывает период российской истории с отмены крепостного права до начала первой пятилетки. Достоинством работы является комплексное исследование экономических, идеологических и политических факторов развития России в этот период. Не ограничиваясь обзором отдельных событий экономической истории, автор стремится выявить и обосновать ключевую экономико-политическую идею, «которая оказывает постоянное и разнообразное воздействие на хозяйственный процесс и вокруг которой ведется теоретическая, идеологическая, а нередко и политическая борьба (с. 17). Из книги следует, что этой идеей является тезис о плановой догме как главном тормозе экономического развития страны. Автор стремится доказать, что плановый фетишизм не является исключительно советским явлением и он играл заметную роль в экономическом развитии царской России, т. е. имеет глубокие институциональные корни в российском обществе.

В книге показано определяющее влияние идеологических и политических факторов на экономические реформы в России. Так, реализация Николаем I принципов консервативной аграрной монархии привела к замораживанию экономической структуры, введению новых политических ограничений, формированию нетворческого типа образования, ограничению контактов с Западом, а антилиберальная философия правления Александра III послужила усилению экономической роли государства в последние два десятилетия XIX в. (с. 48, 59). Интересен и актуален анализ поворотных событий первой трети XX в., проведенный автором в широком политическом и идеологическом контексте. Так, он замечает, что В. Базаров в своей концепции индустриализации, верной с экономической точки зрения, «не учитывал, что политические решения и действия в благоприятной социально-психологической ситуации стано-

Корнейчук Борис Васильевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (bkornejchuk@hse.ru)

Kornejchuk Boris — Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, St. Petersburg Branch of the National Research University "Higher School of Economics" (bkornejchuk@hse.ru)

вятся самостоятельным и активным фактором хозяйственной жизни» (с. 411, 412). Междисциплинарный подход, выходящий за традиционные рамки историко-экономических исследований, позволил автору по-новому взглянуть на сталинскую индустриализацию как на средство сохранения личной власти Сталина. Он отмечает, что введение жестких мер экономического регулирования было вызвано тем, что осенью 1927 г. руководство страны почувствовало угрозу своему положению из-за существования многомиллионного крестьянства, находившегося вне сферы влияния власти (с. 427). Автор нарушает советскую традицию, восхваляющую сталинскую индустриализацию, и следует доминирующему в западной литературе критическому подходу: «стремительная индустриализация и сметающая все коллективизация были не только средствами экономической политики, но и способами распространения прямого контроля тоталитарного государства на максимальное число людей в кратчайший срок» (Эрлих 2010: 194). Р. Дэй замечает, что «упрощенные формулировки превращали идею индустриализации в политический лозунг, целью которого являлось сплочение партийных рядов под личным руководством Сталина» (Дэй 2013: 263). Р. Аллен также считает, что главной целью индустриализации было укрепление личной власти вождя, а вовсе не рост благосостояния трудящихся (Allen 2003: 2).

Давая в целом негативную оценку сталинской индустриализации, автор вступает в заочную полемику со сторонниками заявившей о себе доктрины «новой индустриализации», которая построена на постулатах марксизма и предполагает тотальную национализацию и переход к централизованному управлению экономикой. Так, Р. Кучуков предлагает «покончить с порочной практикой по выхолащиванию государственного сектора и разработать план деприватизации крупнейших предприятий, объединений, составляющих ядро базовых отраслей экономики, в том числе АПК», национализировать ведущие отрасли промышленности (Кучуков 2013: 17, 19). Характерно, что план «советизации» экономики подразумевает ограничение механизмов демократии. Так, В. Рязанов рассматривает программу неоиндустриализации как «мегапроект» со сроком реализации не менее 10-15 лет, который «не вписывается в сроки избирательных компаний (5–6 лет), объективно мешая политической элите ориентироваться на столь длительный период, превышающий срок действия ее властного мандата». Выборные лица, считает он, в своей деятельности в большей степени ориентированы на краткосрочные результаты, которые в текущей политической борьбе приобретают решающее значение (Рязанов 2013: 29). Иными словами, предлагается минимум в два раза увеличить сроки полномочий выборных органов, что на деле приведет к замораживанию политического процесса и не позволит разрешать назревающие социальные конфликты демократичным способом. Сторонники доктрины подвергают критике одну из базовых демократических норм Конституции РФ, согласно которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (п. 2 ст. 13). В качестве таковой А. Амосов предлагает идеологию «неоиндустриализации», поскольку убежден, что «большинство граждан России поддержат курс на реализацию сформулированных общенациональных идей борьбы за

экономическую политику подъема на основе новой индустриализации» (Амосов 2013: 40). Опыт сталинских репрессий не стал препятствием для интеграции принципа «вождизма» в доктрину «неоиндустриализации». В учебном пособии для студентов вузов развивается теория «планового человека», обладающего доминирующей «государственной мотивацией», и выделяются два его типа — лидера и аутсайдера, причем «аутсайдер подчиняется руководству со стороны лидера лишь в том случае, если лидер выступает как вождь всего государства». При этом подчеркивается тесная связь «вождя» и «бюрократии»: поскольку у бюрократии «гораздо больше ресурсов для совершенствования производства, чем у отдельного бизнесмена, поэтому она (и особенно вождь) ощущает себя более могущественной и цельной» (Основы... 2008: 185, 297). Некоторые разделы книги В. Мау как будто специально написаны для опровержения доктрины «новой индустриализации» и наглядно показывают, что теоретические и идеологические основы новой и старой индустриализации в целом совпадают: господство государственной собственности, принудительное перераспределение ресурсов, ограничение политических свобод. Доктрина «неоиндустриализации» не учитывает сложившихся в стране институтов рынка и демократии, достигнутой интеграции ее в мировое хозяйство. Ее реализация ослабит защиту прав частной собственности и стимулы к инвестированию и развитию, приведет к дезинтеграции страны в глобальной экономике, а национализация породит проблему нелегитимности новой государственной собственности. Анализируя экономические, идеологические и политические аспекты сталинской индустриализации, автор предостерегает от увлечения старыми догмами, ведущего к тому, что «возникает искушение прибегнуть к набору экзотических и опасных мер, как это уже было в СССР в конце 1920-х годов» (с. 450).

Плановый фетишизм служит для автора главным предметом исследования и трактуется им как важнейший фактор развития российской экономики в исследуемый период. Такой акцент на роли плана в экономике характерен для традиционной дискуссии российских экономистов на тему «план или рынок», которая в советский период маскировалась термином «хозрасчет» и в явном виде возобновилась в эпоху рыночных реформ. Автор является противником планового фетишизма, который он считает главной проблемой советской системы регулирования и причиной, приведшей СССР к национальной катастрофе (с. 453, 457), однако он не формулирует четко свою концепцию достижения оптимального сочетания плановых и рыночных начал в современной российской экономике. Многие экономисты видят решение этой проблемы в развитии демократии, которая позволяет корректировать текущую экономическую политику власти в соответствии с интересами большинства населения. В условиях демократии плановая система, которая, по Дж. Гэлбрейту, неизбежно начинает доминировать в постиндустриальной экономике, может оказаться эффективнее рынка в ряде сфер экономики. Вместе с тем, как писал Э. Фромм, «если момент планирования в высших эшелонах власти не будет поддержан инициативой снизу, если поток общественной жизни не будет расти, то плановая экономика в конце концов окажется всего лишь новой формой манипулирования народом» (Фромм 2003: 351).

В рамках институционального подхода способ формирования политической власти оказывается первичным фактором по отношению к характеру экономической политики и соотношению в ней плановых и рыночных элементов. Поэтому фундаментальная проблема современной российской экономики выражается ныне дилеммой «демократия или тоталитаризм», а вовсе не дилеммой «план или рынок», разрешенной к обсуждению в поздний советский период, когда вопрос о демократии был еще под строгим запретом, а «придворные» экономисты наперебой предлагали партийному руководству разные модели хозрасчета. Влияние традиций советских дискуссий оказало заметное влияние на методологию исследования: проблема демократических реформ не интегрирована автором в его теоретические построения и не увязана с реформами экономическими, что является слабым местом работы. Достаточно сказать, что в книге фактически не затронута проблема демократизации современной политической системы России, а сам термин «демократия» не встречается ни в Предварительных замечаниях, ни во Введении, а в Заключении он используется лишь при оценке власти большевиков, которая отрицала «любые формы демократии и либерализма» (с. 444). В итоге читатель приходит к заключению, что для автора демократия не является значимым фактором экономического развития.

Позиция автора по вопросу об экономической роли политических факторов становится еще менее ясной с учетом его положительной оценки концепции А. Гершенкрона о «негативных» и «позитивных» аспектах деятельности государства в догоняющем обществе. Согласно ей, негативная роль государства состоит в «создании благоприятной среды, в снятии институциональных ограничений экономического роста, включая обретение страной политической стабильности» (с. 39). Следовательно, если для обеспечения экономического роста государство предпринимает некие действия, нарушающие политическую стабильность, то такие его действия, хотя и «создающие благоприятную среду» для роста, тем не менее, расцениваются как негативные. Несмотря на явное противоречие спорных тезисов Гершенкрона либеральным ценностям и всей направленности книги, ее автор заключает, что «разграничение позитивных и негативных факторов является принципиально важным для понимания особенностей выполнения государством своей роли в различных экономико-политических обстоятельствах» (с. 39). Иными словами, пресловутая политическая стабильность оказывается для него более значимой общественной целью, чем экономический рост, что косвенно подтверждает название раздела «Важность макроэкономической и политической стабильности» (с. 449). При этом остается неясным, следует ли считать нарушение политической стабильности «негативным» фактором, если в итоге оно приводит к демократизации политической системы.

Тема развития постиндустриального общества, генетически связанная с проблемой индустриализации, в книге затронута поверхностно. Рассмотренная эпоха не включает периоды становления индустриального общества и его трансформацию в постиндустриальную стадию, поэтому в работе отсутствует необходимый исторический материал для обоснования выводов по данной

проблеме. Рассуждения о «постиндустриальных вызовах» и «постиндустриальной модернизации» (с. 445–447) оказываются мало содержательными без строго определения этих понятий и предварительного рассмотрения теорий постиндустриального общества З. Баумана, У. Бека, Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, В. Иноземцева, М. Кастельса, Э. Тоффлера, которые не упоминаются ни в основном тексте работы, ни в списке литературы. Такой анализ необходим, поскольку процесс перехода современной цивилизации в новую стадию перечисленные авторы трактуют по-разному. В этой связи полезно было рассмотреть альтернативную концепцию «постэкономического общества» В. Иноземцева, основанную на марксистском тезисе об отмирании рыночных отношений. Он пишет: «все более отчетливой становится тенденция к формированию неэкономических принципов обмена и становлению нового типа товарного производства, освобожденного от элементов рыночного хозяйства», при этом «только централизованные общественные институты и способны, по-видимому, противостоять перспективе социальной дезинтеграции» (Иноземцев 1998: 356, 401).

Позицию автора по вопросу о влиянии демократии на экономическое развитие не проясняет его итоговый вывод о том, что «либерализм и этатизм как два типа экономической политики будут сменять друг друга и в дальнейшем» (с. 457). Это утверждение лишь констатирует наличие в каждом обществе правых (либерализм) и левых (этатизм) ценностей и соответствующих им общественных сил — правых и левых политических партий, открыто конкурирующих на честных выборах. Экономисты институционального направления смотрят на эту проблему глубже: не столь важно, какая экономическая политика доминирует в конкретный исторический период, но принципиально важно, чтобы она отвечала интересам большинства, а этого можно добиться только в условиях демократии. Таким образом, эффективная экономическая политика не может вырабатываться кулуарно узким кругом экономистов, допущенных к принятию государственных решений, а поэтому в развитых странах она выступает результатом эффективно действующих механизмов демократии. В заключение В. Мау предостерегает читателя о том, что «всегда остается опасность превращения популярной доктрины в догму, опасность формирования очередного символа веры» (с. 457), однако он не дает глубокого анализа исторических предпосылок формирования такого рода догм в контексте ценностей демократии. Вместе с тем очевидно, что господство «планового фетишизма» могло сохраняться и воспроизводиться в советском обществе только благодаря тоталитарному политическому устройству. Реальную опасность представляет отсутствие демократии, а сохранение и укрепление «плановой догмы», на которых делает акцент автор, — это в значительной степени следствие тоталитаризма.

Книга В. Мау представляет безусловный интерес для экономистов и политологов. В рамках междисциплинарного подхода, исследующего взаимодействие экономических и политических факторов, автору удалось обосновать положение о том, что в период 1861–1929 гг. идеология «модернизации, опирающейся на принципы этатизма и дирижизма, оставалась доминирующей» (с. 29). Методология исследования позволила выявить и проанализировать фундаментальные проблемы экономического развития России, в том числе

«конфликт между укреплением политических институтов, восстановлением порядка, “вертикали власти” — и снижением темпов экономического роста» (с. 450). Автор сделал новаторский шаг в направлении синтеза экономики, идеологии и политики, но остановился на полпути, не исследовав роль институтов демократии в процессе социально-экономического развития современной России. В итоге его отношение к этой актуальной проблеме осталось не вполне ясным. Учитывая название книги, автору следовало дать четкий ответ на вопрос, закономерно возникающий у внимательного читателя: относит ли он ценности демократии и базисных прав человека к преходящим «догмам» или же к абсолютным ценностям, не зависящим от текущей экономической политики, будь она либеральной или плановой.

Литература

- Амосов А.* Новая индустриализация: связь политики и идеологии // *Экономист*, 2013, 8, с. 33–40.
- Губанов С.* Системный выбор и уровень жизни // *Экономист*, 2011, 11, с. 3–55.
- Дэй Р.* Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М.: Дело, 2013.
- Иноземцев В.* За пределами экономического общества. М.: Academia–Наука, 1998.
- Кучуков Р.* Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора // *Экономист*, 2013, 6, с. 16–25.
- Мау В.А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). Изд. третье, перераб. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.
- Основы теоретической экономики / под ред. Д. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008.
- Рязанов В.* Время для новой индустриализации: перспективы России // *Экономист*, 2013, 8, с. 3–40.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2003.
- Эрлих А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 гг. М.: Дело, 2010.
- Allen R. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton. N.J.: Princeton University Press, 2003.